

18+

Йен Странник

Не здесь

Йен Странник

Не здесь

«Издательские решения»

Странник Й.

Не здесь / Й. Странник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989926-2

В сборнике представлено три постоянно пополняемых цикла рассказов. «Не здесь» — то, что может случиться или не случиться с нами или другими существами где угодно или нигде. «Урбанариум» — социальная фантастика способная однажды стать реальностью. «Игромир» — взаимоотношения человека и виртуальной реальности в прошлом, настоящем и будущем.

ISBN 978-5-44-989926-2

© Странник Й.
© Издательские решения

Содержание

«Не здесь»	6
Ловушка для Минотавра	6
Изнанка	11
Ланч	18
Не здесь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Не здесь

Йен Странник

© Йен Странник, 2020

ISBN 978-5-4498-9926-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Не здесь»

Каждый из нас хоть раз в жизни сталкивался с тем, что не вписывается в обычные представления, выходит за рамки нашего понимания. Вглядываясь в суть необычного, мы заново учимся понимать окружающую нас действительность. Ранее незамеченные мелочи дополняют картину привычного мира, делая его уже не таким привычным

Ловушка для Минотавра

Лифт остановился на верхнем этаже, слегка выгнутые створы разъехались на обе стороны. Стойка рецепшен пустовала, как и полагалось в предпраздничный вечер. Я вернулся с полпути за забытым в кабинете телефоном. В современном мире оставаться без мобильной связи, даже на некоторое время, дискомфортно.

Длинный коридор со скрипучим полом, в самом конце которого дверь в тесную комнату, гордо называемую кабинетом. На этаже все двери старые. Местами растрескавшиеся доски покрашены унылой серой краской. Компания не бедствует, но почему-то здание давно не ремонтировалось. Даже этаж, занимаемый владельцем, на которого работали все обитатели клетушек за серыми дверями, знал лучшие времена. Давно. Остальные этажи арендовались множеством мелких организаций, точное число которых знали только несколько человек, в число которых я не входил.

Пройдя по корявым, истёртым половицам и нащупав в кармане куртки увесистый ключ от замка, пережившего не одно поколение обитателей, но исправно работающего, я отпер кабинет и ступил внутрь. От распахнутой наружу двери до стола, такого же древнего, как и всё вокруг, всего пара шагов. Включать освещение не требовалось, в Лунном свете на столешнице, занятой только монитором и лотками для бумаг, одиноко лежащий мобильник не найти было невозможно.

Сунув в задний карман джинсов свою «мотороллу», заперев дверь и для уверенности подёргав ручку, давно вросшую в вязкую от времени древесину, можно было возвращаться к лифту, ультрасовременному механизму, пронизывавшему все этажи насквозь. Не издающее ни единого звука механическое чудо откровенно диссонировало с архаикой сооружения, стареющего, но не сдающегося разрушительному всемени. Вторым и последним свидетельством современных технологических достижений, приданных, неизвестно когда построенному зданию, являлась новая трансформаторная будка, недавно установленная взамен старой у глухой стены. За свежими рифлёными стенками из покрытого серой краской металла не было слышно никакого гудения. Местная шпана уже успела оставить след эпохи, нарисовав на передней стенке, слева от предупреждающего об электроопасности знака, чёрно-красное граффити. Буквы сплетались в яркий комок, но всматриваясь, можно было разобрать, три слова: «ловушка для Минотавра».

Не знаю, почему мне вспомнилась эта надпись, пока я возвращался к лифту. Стена между моим кабинетом и рекреацией со стойкой офис-менеджера по левой стороне делилась на неравные промежутки дверьми близнецами. До ближайшей пять шагов, восемь до следу-

ющей, затем тринадцать. Потом длины промежутков снова повторялись: пять, восемь, тринадцать. И ещё раз в том же порядке. Всего девять дверей, не считая мою, торцевую. Противоположная стена глухая, крашенная полинялой масляной краской до уровня локтя, выше когда-то белёная мелом, местами пожелтевшим от времени и высохших протечек.

Двигаясь к началу коридора, непроизвольно считаю шаги и в тысячный раз разглядываю знакомые щели на полу. Дойдя до угла сворачиваю к лифту, продолжая разглядывать сучковатые половицы, тяну руку к кнопке вызова, но промахиваюсь, ткнув пальцем в голую стену. Поднимаю глаза и чуть не кричу от неожиданности: сплошная стена, никаких кнопок и никаких лифтовых створ. Судорожно оборачиваюсь, слева прежний коридор, девять серых дверей по стене и торцевая, десятая. Тусклые лампочки дежурного освещения по потолку, позади – рецепшен.

Паника заполняет меня мгновенно, снизу вверх, как пустой сосуд, вытесняя рассудок. Логика пытается сопротивляться, медленно сдавая позиции. Может, я не возвращался на работу? Благополучно приехал домой и лёг спать? Но во сне сложно догадаться, что спишь.

Медленно на свинцовых ногах поворачиваюсь к стене, где ещё пару минут назад был лифт. Зажмуриваюсь, тру глаза кулаками, с опаской приоткрываю веки...

Новый панический всплеск вытесняет остальные чувства. Стена, сплошная и старая, со всеми признаками неухоженности, будто лифта тут никогда и не было. С трудом делаю несколько шагов назад, опираюсь на стойку. Сердце бешено колотится, мысли путаются. Через пару минут всплеск эмоций затухает, паника притупляется, замещаемая растерянностью. Отчаяние пытается вклиниться, но в тумане восприятия места ему пока не находится. Заставляя себя дышать ровнее, ещё через минуту уговариваю тело подчиниться и сделать несколько шагов к стене. Надежда очнуться от наваждения, увидеть или хотя бы нащупать спасательные створы теплится в глубине сознания.

Безрезультатно шарю по шероховатой поверхности, пальцы пачкаются мелом. Однако получается немного успокоиться. Прекратив попытки отыскать то, чего нет, я возвращаюсь в свою комнатку. Раздвинутые шторы не мешают полной Луне заполнить своим светом весь небольшой объём унылого кабинета.

Сажусь на вытертое кожаное сиденье старого стула, пытаюсь разогнать марево наваждения, подавить отчаяние и восстановить логику в размышлениях. Во-первых, есть обычная лестница, которой не пользовались, разве что выходили курить на площадку два-три человека из всех работающих на этаже. Во-вторых, есть мобильник и городской телефон у офис-менеджера за стойкой. В-третьих, у меня на столе тоже есть телефон... Был телефон...

Паника готова вернуться, кивая на новые аспекты, противоречащие всему привычному и знакомому. За окном висит двурогий месяц. Как же так? Только что я видел полный диск Луны. Что происходит?

Нужно снова взять себя в руки и успокоиться.

Очень хочется поверить в бредовый сон и проснуться. Считаю до ста с закрытыми глазами и снова осторожно приоткрываю веки. Стены моей клетушки прежние, стол прежний, стул, шкаф с папками у стены. Всё прежнее, хорошо знакомое. Монитор на обшарпанной столешнице, системный блок под ней. Нет только телефонного аппарата. Окно, старые шторы, за стеклом прежняя полная Луна. Уже легче.

Делаю несколько глубоких вдохов, лезу в карман за мобильником. Экранчик приветливо загорается в ответ на лёгкое касание. Иконки часто набираемых абонентов выведены на основную страницу. Жму на первую, вместо мелодии ожидания – пустота. Терпеливо жду хоть чего-нибудь, но ничего, кроме механического сообщения о том, что вызываемый номер вне зоны действия сети. По очереди пробую все с тем же результатом. Пытаюсь подавить очередной приступ панической дурноты, заставляю себя встать и выглянуть в коридор. Там тоже все, как я помню. Глухая стена справа, девять дверей слева, между ними пять, восемь и тринадцать

шагов, потом промежутки повторяются дважды. Осторожно ступаю по разошедшемуся паркету, ближе к дверям половицы особенно скрипучи, дохожу до угла, за которым рекреация со стойкой и лифт. Должен быть... Делаю глубокие вдох и выдох, чуть наклоняюсь вперёд, держась за стену, высываюсь из-за угла. Перед глазами сплошная стена. Бред продолжается.

Постояв неподвижным изваянием с минуту, понимаю, что тут ловить больше нечего. С переменным успехом, сознание пытается бороться с парализующими тело ощущениями и, подчинив себе минимальные функции движения, доставить меня к лестничной площадке. В этой части коридора тоже много дверей, но самая дальняя – двухстворчатая. За ней лестница. Половицы скрипят глуше. Перед выходом на лестницу скрипа нет вообще. Берусь за дверную ручку, чувствуя каждый сердечный толчок от груди до кончиков пальцев. Тяну на себя и делаю шаг...

Актный зал? Справа за дверью нащупываю выключатели. Щёлкаю по очереди, в ответ нехотя загораются лампочки под круглыми жестяными абажурами. Проход между рядами четверённых кресел упирается в невысокую сцену. В некоторых спинках прорехи, через которые выбивается вата. Перед зрительными рядами поставлен длинный стол, накрытый пыльной красной скатертью. В центре стола – гипсовый бюст вождя, некогда выкрашенный той же, что и стены, краской. Но теперь краска потрескалась и облупилась на кончике носа. На лбу засохшие капельки, словно пот. Взгляд заплывших краской глаз десятилетиями направлен в одну точку над дверью, где тускло светится зелёный фонарь с надписью «выход».

Выход?! Через эту дверь я как раз и попал в зал, которого тут никогда не было!

Где лестница?

Комок подкатывает к горлу, меня начинает потряхивать. Куда теперь?

Прохожу между рядами, слева несколько ступеней на сцену. Поднимаюсь. Поворачиваюсь к пустым креслам. Отсюда мне хорошо видно плешивое темя дешёвого изваяния. Тень от бюста стрелкой ложится на пол и тянется к единственной двери. Моя собственная тень остаётся короткой и путается под ногами. Странно. Неужели, изживший себя символ прошедшей эпохи всё ещё пытается указать верный путь?

Спрыгиваю вниз, возвращаюсь к двери. В голове крутится: «Уходя, гасите свет». Гашу, щёлкаю выключателями в обратном порядке. Выхожу в коридор и, не оборачиваясь, закрываю дверь позади себя.

Вокруг только одностворчатые двери, запертые служащими на такие же ключи, как лежит у меня в кармане. Зачем-то вынимаю свой. Через ушко продёрнута суровая нитка, которой к ключу привязана бирка. На одной стороне три числа через запятую: пять, восемь, тринадцать. На обратной – сильно затёртая надпись, из которой удаётся разобрать только три последних слова: «ловушка для Миногавра».

Может, всё-таки это сон? Никакой бирки на ключе никогда не было. Номер кабинета значился вдавленными цифрами прямо на утолщении между ушком и стержнем.

Уже ничему не удивляюсь. Прохожу по коридору. Бросаю мимолётный взгляд на стену против стойки офис-менеджера, никакого лифта по-прежнему нет. Паники – тоже. Надо действовать. Но вначале стоит вернуться в свою комнатушку, сесть и обдумать возможные шаги.

Прохожу по коридору, ключ всё время зажат в ладони. Замок знакомо щёлкает. Привычным движением тяну ручку на себя. Дверь поворачивается на скрипучих петлях, за ней винтовая лестница, уходящая вниз. Сжимаю зубы и ступаю на шероховатые каменные ступени. Дверь захлопывается за спиной сама. Не хочу оборачиваться, но не могу удержаться. Со всех сторон только стены, обратного пути больше нет.

Спускаюсь вниз, вначале осторожно, потом быстрее, пока не перехожу на бег. Ступени становятся больше и выше. До края приходится делать несколько шагов и прыгивать на следующую. Наконец лестница заканчивается, и я уже бегу по узкому тоннелю, освещённому дрожащим пламенем редких факелов. Стены в копоты, который смешивается с мелом на моих

пальцах. Подошвы скользят на булыжниках мощения. Справа по жёлобу бежит вода. Меня обгоняет бумажный кораблик, качающийся на мелких волнах потока. Стараюсь не отставать.

Тоннель и жёлоб делают несколько поворотов, пока не выводит меня к мосту. Вода срысывается вниз тоненьким водопадом, кораблик исчезает где-то далеко внизу. За мостом огромные ворота, окованные железными стяжками. Подхожу ближе. На створках две бронзовые львиные головы держат в пастях кольца. Но я не успеваю протянуть руку, как створки распахиваются. За ними арена, окружённая трибунами. Но зрительские скамьи пусты. Только напротив меня под навесом на мраморном постаменте гордо возвышается бюст с облупившейся краской на носу. Его голову венчает венок из сухих лавровых листьев. Иду по песку, вспаханному многими копытами и колёсами. Под главной трибуной, маленькая дверь с зелёной табличкой «выход». Дверь заперта, но мой ключ подходит.

Снова лестница, но теперь широкая, покрытая красной ковровой дорожкой, закреплённой на каждой ступени длинными латунными спицами. Мраморные вакханки лукаво подмигивают пока я спускаюсь в холл.

За прозрачной дверью светит двурогий месяц, чуть покачивая своими рогами в такт моим шагам. Но вид на парк, который хорошо просматривался через дверь, остаётся только изображением на стекле. Вместо парка узкий тамбур между вагонами. Вагоны раскачиваются, колёса выстукивают дорожный ритм, сквозь стык металлических плит мелькают шпалы.

Делаю шаг через щель стыка. Пол больше не качается, ещё один коридор приводит меня к следующей лестнице. Спускаюсь и попадаю в какую-то приёмную. По всему периметру стоят стулья. На них старушки с палочками и перевязанными изолентой сумочками. О чём-то непрерывно судачат, кивая друг другу головами. В прорехе между стульями на стене мелом нарисована дверь. Над дверью истошно мигает лампочка, зазывая следующего по очереди.

Поворачиваюсь и бегу прочь. Мимо нарисованных на стене окон, пока не оказываюсь в тупике. Пытаюсь вернуться, но проходы ветвятся. Вспоминаю про правило левой руки. Иду дальше всё время касаясь стены пальцами. Считаю повороты. Пять налево, восемь направо, тринадцать налево. Потом всё повторяется. Пять, восемь, тринадцать. Тупик.

Стою не шевелясь. На пальцах правой руки ещё остался мел. Рисую дверь с замочной скважиной. Снова достаю свой ключ и пытаюсь открыть замок. Механизм срабатывает безотказно, и дверь распахивается. Вижу знакомые подсобки, заставленные деревянными ящиками. По долгу службы тут приходилось часто бывать. Это самый нижний этаж. Я хорошо знаю расположение помещений, а самое главное – прекрасно знаю где выход.

Бежать не хочется. Просто иду по хорошо знакомому маршруту. В здании сюрпризов больше нет. Через транспортные ворота выхожу наружу.

Впереди небольшой перелесок. Над деревьями висит двурогий месяц. За перелеском дорога. Можно поймать машину и поехать домой.

Иду к знакомой тропинке. Месяц бледнеет и опускается ниже. Под ним проявляется мощный торс, такой же белёсый. Нижнюю часть туловища закрывает кустарник. Существо намного выше меня. Оно чувствует моё приближение, оборачивается и наклоняется. Я останавливаюсь, панический ужас снова пытается меня сковать. Перед моим лицом оказывается огромная морда Минотавра. Рога немного светятся. Губы шевелятся в попытке что-то сказать. Пустые глазницы обращены ко мне. Он слеп, но кажется, что всматривается вглубь меня.

Минотавр резко втягивает воздух ноздрями и выпрямляется с оглушительным рёвом. Но над ним уже разворачиваются летящие сети. Охотники больше не таятся, выходят из своих укрытий. Я пытаюсь помешать, пытаюсь кричать, просить отпустить пленённое существо, но меня оттесняют.

Сплёнутого Минотавра тащат к зданию, к глухой стене, где стоит новенькая трансформаторная будка. Он почти не сопротивляется, обречённо ступая по асфальту раздвоенными копытами. Кто-то открывает дверь железной коробки с граффити, наконец обретшим смысл.

Существо уже не так огромно и его вталкивают внутрь. Никаких трансформаторов нет, только пустое пространство, достаточное, чтобы пленник туда поместился.

Пытаюсь подойти ближе, но меня толкают, и я падаю.

Поднимаюсь, но вокруг никого нет. В тёмном небе снова полная Луна. Её свет падает на стену здания и железную будку, где заключено древнее мифическое существо.

Не раздумывая, достаю из кармана ключ, подхожу к трансформаторной и отпираю дверь. Внутри на табурете сидит молодая женщина в красном плаще. Жгучая брюнетка с короткой стрижкой. Видя моё замешательство, она улыбается и спрашивает...

– Кого-то ищешь?

– Тут был... – запинаясь я.

– Был, – вторит мне женщина. – Ты меня проводишь?

Киваю и подаю даме руку, помогая покинуть неудобное помещение. Она идёт чуть впереди.

– Ты хочешь знать, куда делся Минотавр, и как я оказалась на его месте?

Киваю, хоть она и не видит моего жеста.

– А что ты вообще знаешь о нём?

– Ну, – тяну я слова, – он жил в лабиринте, построенном на далёком острове.

– Не важно, где находится лабиринт, – перебивает меня спутница, – в любом лабиринте я снова стану Минотавром.

– Минотавр – женщина? – Удивляюсь я.

– Минотавр – это минотавр, но почему женщина не может им стать? Особенно если её против воли загнать на века в лабиринт?

Мы идём по каменистой дороге. Женщина расстёгивает плащ и сбрасывает его не останавливаясь. Теперь на ней красная кожаная жилетка, обтягивающая бёдра короткая юбка, тоже из красной кожи и высокие ботфорты. Дорога сужается, становясь тропой, поднимающейся на пологий холм.

Я порываюсь поднять плащ, но спутница меня останавливает, говоря, что он ей больше не нужен. Следую за ней, пытаюсь уложить в голове услышанное. Мифы врут? Или тот, кто их писал, пытался создать красивую, с его точки зрения, сказку, не обязательно соответствующую реальности?

– Мифы лишь забавные истории, – будто услышав мою мысль, продолжает женщина, – те, кто писали о Минотавре – никогда не были в лабиринте. А те, кто побывал – никогда не рассказывали о том, что видели и как выбрались.

На вершине холма моя спутница скидывает жилет и стаскивает юбку, оставаясь только в ботфортах и бикини из той же красной кожи. Фигурка может вызвать зависть у любой представительницы прекрасного пола, но я не испытываю никакого вожеления.

Мы спускаемся по пологому склону. Внизу слышится шум накатывающих на пляж волн. У подножия холма остаются ботфорты. Ближе к кромке воды женщина избавляется и от оставшейся одежды.

Стою на мокром песке и смотрю, как она, шаг за шагом, заходит в море. Оказавшись по колено в воде, женщина останавливается, оборачивается и машет мне рукой. Машу в ответ, хочу спросить...

– Конечно увидимся, – отвечает она и ныряет в приближившуюся волну.

Я вижу, что у неё теперь длинные серебристые волосы, когда она выныривает ещё не слишком далеко. Ещё раз машет мне рукой и погружается воду, подняв на прощание брызги русалочьим хвостом.

январь 2018

Изнанка

Вампиры не видят снов...

Когда мой закадычный друг Альфред сказал, что он вампир, я счёл это очередной шуткой, предвкушая дальнейшее развитие событий новой забавы. Хохмач, любитель безобидных приколов, наверняка что-то опять затеял. В памяти промелькнули наши прежние чудачества, весёлые и безвредные.

Кроме нас в курилке никого не было. Я подумал, что товарищ решил посвятить меня в новый сумасбродный план какого-то розыгрыша. Тем более, что в офисе недавно появилась пара новобранцев, немного заносчивых и излишне амбициозных. Наверняка Фредди выбрал их в качестве потенциальной жертвы. Обидятся – тогда они придурки. Поймут – значит, небезнадёжны. На злодейство Альфред неспособен. Мухи не обидит.

Но когда на моих глазах клыки друга стали расти и заостряться, радужки вспыхнули рубиновым цветом, лицо побледнело и от него повеяло холодом, мне стало не по себе. Потом неуловимо быстрым движением Фред схватил меня за руку, закатал рукав и впился в предплечье. Через мгновение он выпустил меня, отодвинулся, сел прямо и вернулся к привычному для меня облику.

Боль я почувствовать не успел, но ошарашенно переводил взгляд то на Альфреда, то на укушенную руку, не понимая, как реагировать на случившееся. Убеждения, что всякие вампиры и прочая нечисть существуют только в книгах, фильмах и играх, трещали по швам и не только по ним. Как же так? Фредди не боялся солнца, любил поваляться на пляже, не брезговал блюдами с чесноком, свободно заходил в храмы, курил и любил коньяк. Однако несколько капель крови, вытекшие из прокушенной руки, свидетельствовали о том, что признание Альфреда – не очередная шутка.

Вампир, сидящий рядом со мной и уже не отличающийся от обычного человека, медленно протянул ко мне правую руку и накрыл своей ладонью рану. Я хотел отскочить, но не смог. Тело оцепенело и не слушалось. Сердце бешено колотилось, капельки холодного пота выступили на лбу.

– Теперь ты знаешь, что вампиры реальны и я один из них. – Альфред убрал ладонь с моего предплечья, ранки затянулись. – Эта маленькая демонстрация не причинила тебе вреда, но, надеюсь, была убедительна.

– Я... ты... – дар речи никак не желал возвращаться, – зачем?..

– Брось, Тед, не дрожи так. Ты мой друг, а друзей я не ем.

Альфред улыбнулся прежней улыбкой, отчего мне стало ещё больше не по себе.

– После обеда шеф отправит нас в небольшую местную командировку, поговорим по дороге, а сейчас позволь, я приведу тебя в порядок.

Глаза Фреда снова превратились в светящиеся рубины. С минуту он смотрел на меня. Стало легче. Сердце перестало бешено биться о рёбра, испарина исчезла, дрожь ушла, и тело вновь слушалось, как прежде.

Машину вёл Альфред. Путь предстоял неблизкий. Теперь я точно знал, по крайней мере, две вещи: мой друг – вампир, и он по-прежнему мой лучший друг.

Вначале говорил только Фред, развенчивая небылицы плодовитых фантазёров о таких, как он. Потом я принялся задавать вопросы. Съехав с кольцевой и направив машину на север, Фредди на минуту замолчал, а потом перешёл к главному: предложил мне стать таким, как и он.

– Как видишь, это ничуть не повлияет на твою жизнь среди людей. Работа, привычки, интересы – всё останется прежним. Никто не догадается о том, что ты изменился. Проживёшь обычную человеческую жизнь. Женишься, заведёшь детей, они обеспечат тебя внуками, потом

ты состаришься и умрёшь. Единственное, что изменится для тебя-человека, ты перестанешь видеть сны.

– Постой-постой, ты же говорил, что вампиры бессмертны.

– Теоретически, вампира можно убить, хоть и очень сложно. Но если не прилагать к этому усилий, то наша жизнь ограничена только существованием времени, материи и пространства. Однако, люди смертны и весьма недолговечны.

– Если я стану вампиром, то я стану бессмертен?

– Бессмертным будет только вампир, которым ты станешь, но человек, которым ты при этом останешься, рано или поздно умрёт.

– Поясни...

– Тед, ты не обратил внимания на мои слова, когда я говорил, что вампиры не видят снов.

– Люди тоже не всегда видят сны, что тут такого?

– Пока человек спит, вампир живёт на изнанке мира. Вампиры вообще не спят. Они живут двумя жизнями. Одна протекает в привычном тебе мире в качестве человека, другая – жизнь в иной реальности. Называй как хочешь: параллельный мир, скрытый слой, пятое, десятое, сотое измерение, тридевятое царство, антигалактика. Мы привыкли называть это Изнанкой.

– То есть, засыпая тут человеком, я оказываюсь там вампиром?

– Ты будешь вампиром и человеком одновременно. Я же смог показать тебе свою вторую сущность, находясь в привычном мире людей. Появление вампиров в истинном облики и прочих жителей Изнанки в мире людей запрещено. Но, установленным законом, как ты понимаешь, можно и пренебречь. Появись тут какой-нибудь нарушитель, скажем, оборотень, за ним тут же отправят патруль. Если в своей природной ипостаси ликантроп не успеет засветиться и набедокурить, то ему просто предложат вернуться.

– И ничего не будет?

– Только административная ответственность. Штраф и постановка на учёт в органах правопорядка. Моё кратковременное появление тут в качестве вампира, кстати, было согласовано заранее и санкционировано патрульной службой.

– А если...

– Если случатся неприятности, любые, то служители закона имеют право уничтожить преступника. Тем более, что в мире людей это немного проще, чем на Изнанке. Отсюда растут ноги у многих легенд и поверий.

– То есть, как вампир ты уязвим к солнцу, серебру и прочим способам борьбы с нечистью, если находишься в этой реальности? Прости за нечисть...

– Нет, конечно, – Альфред улыбнулся широко и по-доброму, – как вампиру мне одинаково безразличны пули, хоть свинцовые, хоть серебряные. А, вот, обезвоживание наступит быстрее, чем у человека, зато мороз не так страшен. Здесь вампира можно утопить, продержав под водой пару дней, а на Изнанке для этого потребуется не менее недели. Улавливаешь разницу?

Мы помолчали ещё с минуту.

– Фред, – я решил задать главный вопрос, – мне нужно принять решение прямо сейчас?

– Лучше сейчас. Следующий благоприятный период обращения в вампира будет только лет через пятнадцать. Так уж звёзды встали.

– Ты говорил, что я, как человек, всё равно умру. Выходит, потом останется только моя новая сущность на Изнанке?

– После смерти в мире людей, вампир может подобрать себе новое человеческое тело. Кто-то выйдет из комы, или родится мёртвым, но оживёт вопреки всему, или какой-нибудь сирота чудом выживет в авиакатастрофе. Вариантов много. В конце концов, можно забрать себе тело жертвы.

– В смысле?

– Вампиры охотятся, мой друг. На Изнанке тоже живут люди. Питаться, чтобы выжить, не запрещено, там – наш мир. Тут же никто не осуждает волка за охоту на зайцев.

– Если волки будут таскать овец из стада, то на них натравят волкодавов или начнут охоту.

– На Изнанке тоже случаются межклановые конфликты и межрасовые войны, но с вампирами предпочитают не ссориться. Это одна из немногих бессмертных рас. В бою носферату обычно выживают, в отличие от противников.

– Есть и другие бессмертные?

– Разумеется. Джинны, серафимы, драконы, ну и ещё кое-кто...

Мои глаза округлились от услышанного. Я опять замолчал и задумался над тем, что, по сути, ничего не теряю. Я-человек только променяю сны на бессмертие и возможность жить не только в мире людей, но и ещё в какой-то фантастической вселенной, покруче всяких снов. Прочь сомнения. Отказываться от такой перспективы глупо. Хотя люди, которых придётся убивать...

– Фред, а вампиры питаются только человеческой кровью?

– Что ты, мы всеядны. На Изнанке, кроме крови, нам так же нужна и другая пища. Кстати, сухарики с чесноком к пиву я с удовольствием употребляю и там, и там. А кровь годится любая. Лично я предпочитаю саламандр, никсов и дворфов. Хотя и со вкусом человеческой крови знаком.

То, что можно не нападать на людей, для меня явилось важным аргументом в пользу принятия предложения Фреда.

Вечером, после местной командировки мы с Альфредом приехали ко мне. Как объяснил мне мой товарищ, первое посещение Изнанки лучше совершить, когда человеческое тело спит на привычном месте.

– Тебе меня опять придётся укусить?

Альфред опять широко улыбнулся.

– Если ты только этого хочешь...

– Я думал, что так передаётся это... как вы, кстати, называете процесс обращения?

– Так и называем – обращение.

– И что нужно делать? Если кусаться ты не будешь?

– Если помнишь, я тебя уже укусил. Для начала обращения этого вполне достаточно.

– Я уже вампир?

– Нет, Тедди, одного укуса мало. Нужно всем сердцем принять передаваемый дар. Но и это не всё. Если ты ни разу не совершал переход между мирами, то понадобится проводник. Иначе можешь заблудиться и застрять в межреальности. Если не пройти путь до конца, то обращение не состоится, ты так и останешься обычным человеком.

– Ты мой проводник?

Альфред кивнул.

– У тебя ещё остался коньяк?

– Сейчас принесу.

– Тогда по бокальчику и в путь.

Сон пришёл мгновенно. Правда, я не сразу понял, что уже сплю. Фред сидел в кресле напротив с остатками коньяка на донышке бокала и смотрел на меня, постепенно принимая свой изначальный облик. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. Лицо моего друга практически не изменилось, если не считать слегка заострившиеся черты, выраженную бледность и ярко рубиновые радужки глаз. Кисти рук тоже выглядели чуть иначе: уже и тоньше, а пальцы слегка вытянулись. Все движения казались быстрыми и неторопливыми одновременно.

Вначале я думал, что ещё не заснул, но Альфред встал, протянул мне руку и помог подняться из кресла. При этом одно моё тело осталось сидеть, а другое встало и сделало шаг навстречу товарищу.

Альфред попятился, увлекая меня за собой. Я думал, что он упрётся спиной в стену, но всё вокруг как бы плавилось и текло. Краски смешивались и тускнели, предметы теряли привычные формы и контуры, растворялись в сером тумане, становившемся плотнее и плотнее.

– Это путь на Изнанку... Изнанку... нанку... анку... нку...

Голос Альфреда звучал отовсюду, слова подхватывало эхо. Странно, откуда здесь эхо?

– Если ты не видишь стен, – угадывая мои мысли, продолжил мой проводник, – не значит, что их нет. Просто иди за мной.

Я сделал ещё несколько шагов и перестал чувствовать опору под ногами, словно меня подвесили, и я впустую болтаю ногами, не двигаясь.

– Идём, идём, – поторапливал товарищ, – тут не стоит находиться долго.

– Как? – С трудом выдавил я из себя. – Я не чувствую ничего под ногами...

– Это и не требуется, просто думай о том, что нужно выйти из перехода.

Моё тело продолжало какое-то время болтаться не пойми где. Только рука Альфреда, что я сжимал всё сильнее, оставляла надежду однажды выбраться отсюда.

– Вот, собственно, и пришли.

– Вокруг только серый туман, я даже тебя почти не вижу.

– Моргни, лучше несколько раз.

Я моргнул, вернее, закрыл глаза на секундочку, а когда открыл, то по-прежнему увидел серый туман. Правда, он стал немного бледнее. Моргнул ещё раз, ещё. С каждым разом туман бледнел и рассеивался, а вокруг проступали стены, мебель, окна... Моя квартира. Только на диване больше никто не сидел, но на столике рядом стоял недопитый бокал с коньяком.

Фред похлопал меня по плечу.

– Вот, ты и дома. Не удивляйся, или удивляйся, если хочешь. Первый переход самый сложный. Ты не просто должен оказаться на Изнанке собственной персоной, ты, как бы, перетаскиваешь сюда часть своей прежней жизни. Изнанка встраивает в свою структуру твой дом, привязанности, привычки. Если, например, ты привык обедать в какой-нибудь забегаловке, то она тоже появится тут. Мир людей и Изнанка вообще очень сильно связаны, разберёшься постепенно.

– Обрато ты меня тоже проводишь?

– Буду рядом, хотя в обратный путь ты должен отправиться сам. Я ещё несколько раз побуду на подстраховке, пока не научишься преодолевать переход уверенно и быстро, за одно моргание.

– В смысле – моргнул и всё?

– В смысле... решил уснуть, сосредоточился на переходе, увидел туман, моргнул, увидел мир людей или Изнанку. Зависит от того, куда направлялся. Поначалу отправляйся в путь, хоть туда, хоть обратно, только из своего дома. Так будет проще. Потом научишься перескакивать из мира в мир откуда угодно. Разумеется, не следует это делать посреди автострады. Любое тело, которое будет ожидать твоего возвращения, должно оставаться в безопасности.

– А если...

– Тедди, – прервал меня Фред, – вопросов у тебя будет ещё миллион, на все сразу даже Гугл не ответит. Сейчас нужно завершить обращение. А это произойдёт только после первой охоты. Не стоит откладывать.

Выйдя на улицу, мы прошли пару кварталов на север. Всё вокруг было узнаваемым, хоть и несколько иным. Здесь, как и в мире людей, сейчас был поздний вечер. Тем не менее несколько человек и других существ торопились по своим делам или неспеша прогуливались

по вечернему городу. Машины проезжали мимо, останавливаясь перед светофорами. Вовсю горели огни реклам, освещая проезжую часть и тротуары даже лучше, чем дорожные фонари.

На двух вампиров, идущих своей дорогой, никто особого внимания не обращал, не шаркался в сторону, не обходил стороной.

– Если вампир не прячется, а спокойно идёт по городу, – пояснил Фред, явно снова прочитав мою мысль, – значит, он не на охоте и бояться нечего. Очень сложно увидеть охотника, преследующего свою жертву.

Я хотел задать ещё вопрос, но снова не успел.

– Со временем и ты научишься читать мысли. А я перестану это делать, как только отпадёт необходимость в моей опеке. Но учти, в память к тебе я не лезу, мы же друзья. Ловлю только то, о чём ты думаешь в данную минуту.

Паб, в который мы зашли я знал хорошо. На Изнанке он практически не отличался от своего близнеца на другой стороне. Даже бармен был мне знаком. В зеркалах за стойкой я впервые увидел своё отражение. Миф о том, что вампиры не отражаются, оказался очередной выдумкой. Вполне себе нормальный внешний вид. Разве что чуть бледнее, чем раньше и радужки глаз приобрели бордовый оттенок. Альфред молча наблюдал за моим знакомством с собственным отражением и чему-то лукаво улыбался.

Мы заказали по бокальчику тёмного пива и ассорти солёных орешков. Я выловил из блюда пару покрытых зеленоватой оболочкой из каких-то специй с васаби. Всегда любил что-нибудь остренькое к пиву. Посмотрим, насколько это сохранилось после обращения, пусть и незавершённого. Вкус меня не разочаровал, все ощущения остались прежними.

Не успели мы с Фредом опорожнить наши пивные ёмкости до половины, как входная дверь открылась, и в помещение с шумом ввалилось довольно грузное существо. Его кожа бугрилась зеленовато-синюшными наростами, ноги больше походили на слоновьи, а на ручищах было всего по четыре толстых пальца с заскорузлыми ногтями. Существо подтянуло мятые штаны, совершенно не заботясь о вылезшей с одной стороны такой же мятой рубахе и направилось к столику в дальнем углу.

– Это болотный тролль. – Альфред одной рукой взял своё пиво, другой отправил в рот кешью. – Не очень приятная раса. Жадны, хамоваты, всё время рвутся на руководящие посты, но как начальники чаще всего бездарны. Хочешь завалить дело, найми тролля и сделай его директором.

На картинках и в кино я видел всяких троллей, но ни один из придуманных художниками-людьми не соответствовал тому, что оказалось на самом деле. Поглядывая украдкой на грузную тушу, я поймал себя на мысли, что этот неряшливый представитель новой для меня расы, кого-то напоминает. Всмотревшись пристальнее, я понял кого именно.

– Вижу, ты его узнал, – Фред перечеркнул мои сомнения, – в мире людей он пользуется обычным человеческим телом.

– Ты же говорил, что не людям там появляться нельзя...

– В таком виде нельзя, но никто не запрещает менять тела. Посмотри на меня, сейчас я вампир, но внешне мало отличаюсь от своего человеческого облика. Тут у меня одно тело, там – другое, человеческое. Они похожи, хоть и немного отличаются. Человек не умеет менять обличия, а вампир вполне может чуть подкорректировать вид, чтобы не привлекать нездоровое внимание. Когда я заговорил с тобой в курилке, я как раз был в теле вампира, временно явившемся в мир людей. Выглядел я как человек, но скинул личину, когда это понадобилось. Моя человеческая тушка в то время мирно спала у себя в постели, да и сейчас она там.

– Этот тролль очень похож на моего прежнего работодателя. Грубиян, хамло, бездарь и неряха с дурным вкусом.

– Теперь ты понимаешь почему у того человека столь мерзкий характер...

– Потому что он и есть этот самый жирный ублюдок! Порвал бы на части...

– И что тебе мешает, – притворно удивился Альфред, – разве ты не вампир?

В зеркале я увидел, что мои глаза вспыхнули и засветились таким же рубиновым светом, какой я видел у Фреда сегодня утром. Само же отражение стало исчезать, становясь всё более и более прозрачным. Прежде, чем исчезнуть совсем, я почувствовал руку товарища, крепко стиснувшего моё запястье.

– Не спеши. Дай жирдяю набубениться под завязку и отправиться восвояси. По дороге мы найдём более подходящее для охоты место.

Я немного успокоился, отражение набрало прежнюю плотность. В памяти возникли неприятные воспоминания, оставшиеся от вынужденного общения с человеческой ипостасью этого типа. Он всегда считал, что в любом вопросе разбирается лучше других. Достучаться до него, даже с самыми обоснованными и убийными аргументами было практически невозможно. Вот и приходилось большинство его требований, относительно выполняемой работы игнорировать и поступать так, как того требовала ситуация. Потом я, конечно, огребал за то, что не следовал начальственным инструкциям, несмотря на хороший и даже отличный результат в итоге. Когда эта тварь орала и топала ногами, выражая своё неудовольствие моими действиями, я мечтал об одном: что б он сдох, зараза.

Кажется, теперь у меня появилась возможность поквитаться сполна. Пусть не в мире людей, но так даже лучше. Именно тут, на Изнанке живёт мой настоящий обидчик, а не та кукла, чьё поведение полностью зависело от вселяющегося в неё тролля.

Примерно через час мы с Фредом покинули паб и пошли следом за моей первой жертвой. Через полквартала жирдяй тормознул такси, втиснулся на заднее сидение и хлопнул дверью. Машина тронулась, и покатила в восточном направлении.

Я начал вертеть головой по сторонам в поисках ещё одного таксомотора, но Альфред подошёл, взял меня за руку, и мы побежали следом за удаляющимся автомобилем.

– А вот теперь вспоминай всё, что наболело, разозлился и ощути инстинкт охотника.

Уговаривать меня не пришлось, в одно мгновение я ощутил бешенство, желание отомстить, догнать, растерзать. Я уже буквально чувствовал пульсацию артерий и запах крови.

Мы бежали легко и не уставая. Мир вокруг замедлился, почти застыл. Пешеходы почти не двигались, автомобили еле ползли, мяч, подброшенный ребёнком в сквере, практически завис в воздухе. Пробегая мимо витрины, я не увидел своего отражения. Выходит, миф не совсем беспочвенный.

– Когда вампир охотится, он становится быстрым и почти невидимым, – пояснил мне друг и наставник.

– Но я прекрасно вижу тебя.

– Мы оба вампиры, и оба сейчас преследуем жертву.

Догнав автомобиль, мы взмыли в воздух и плавно и беззвучно опустились на его крышу. События чуть ускорились. Машина уже не ползла, а потихоньку ехала. Я стоял во весь рост словно на чём-то неподвижном. Необходимости балансировать, удерживая равновесие не было.

Всю дорогу до окраины города Фред рассказывал мне об охоте. Оказалось, что арсенал возможностей вампиров не ограничивается только скоростью, силой, зубами и когтями. Волю жертвы можно подчинить себе. Можно прочесть память, как книгу и, при необходимости, переписать пару страниц. Можно забрать жизнь, а можно поделиться собственной, если нужно помочь существу выжить.

Чем больше я слушал, тем отчётливее понимал, что мы не такие уж и кровожадные монстры, какими нас привыкли считать. Есть, конечно, и свои мерзавцы. А у кого их нет? Хотя тот же Влад Пятый. Кровав? Жесток? Однозначно! А как, прикажете защитить своих сограждан от превосходящего числом и силой врага? Только умением и наглядной демонстрацией, что чужакам на охраняемые вампиром земли лучше не соваться, если вы не мирные туристы.

Моя первая охота прошла вполне успешно. Куски обескровленного тела уже покоились в трясине. Перелесок вокруг болота наполнял щебет птиц. У кромки леса в воздухе танцевали сильфиды. Биение их сердец было таким манящим, но Альфред снова стиснул моё запястье.

– Ты ещё не вышел из охотничьего ража. Поэтому любое существо, оказавшееся поблизости, может показаться желанной пищей. Но, посмотри, как прекрасны эти создания. Их тела совершенны, движения грациозны, а души чисты. Разве можно даже думать о причинении вреда таким чудесным красавицам?

Мне стало немного стыдно за свой порыв. Пришлось сосредоточиться на своём дыхании, постепенно возвращаясь в нормальное состояние. Мы немного постояли, любуясь танцем сильфид, а потом вышли на дорогу и поймали попутку. Ближе к утру я и Фред вернулись ко мне домой, чтобы отправиться обратно в мир людей.

Днём мне позвонил один приятель, с которым мы когда-то работали у того, как выяснилось, тролля. Он сообщил, что наш прежний жлоб-работодатель минувшей ночью скончался от сердечного приступа и если я хочу плюнуть на его могилу, то похороны состоятся через два дня.

Что ж, жестоко, но справедливо. Уничтожив причину на Изнанке, я повлиял на следствия здесь. И никаких угрызений совести, просто сделал ещё один вывод о взаимосвязи двух миров. Как вампиру, мне придётся охотиться и питаться живыми существами. Но кто сказал, что выбор жертвы должен быть случаен? В памяти всплыла ещё одна персона. Ещё один бывший работодатель, частенько задерживавший зарплату и, в конце концов, объявивший о банкротстве. Последней зарплате никто не дождался. В финансовые проблемы его предприятия можно было поверить, если бы сразу после «банкротства» он со своим лоснящимся семейством не переехал в трёхэтажный особняк.

Скоро вечер, а там и ночь, которую я проведу не так, как другие люди. Потому что вампиры не видят снов.

август 2019.

Ланч

Иллари Таграт, Наместник Четвёртого сектора Диктаториума, не торопясь следовал к люкс-ресторану «Люцит», расположенному в независимой зоне. Личная дружба с шеф-мастером давала бесспорные преимущества перед другими посетителями. Нет, не стоит думать, что гости сидящие в больших, средних и малых залах обслуживались не по высшему разряду. Ни у кого, от холлмейстера до младшего сервировщика, и в мыслях не было отнестись к кому-либо, переступившему порог заведения с меньшим уважением, чем к сюзерену Двенадцати секторов. Однако Иллари Таграта, как завсегдатая и ценителя великолепных блюд, всегда ждал отдельный кабинет, исключительное меню и предупредительный персонал.

Сегодня шеф-мастер в приватном сообщении обещал побаловать своего друга новейшим блюдом, на которое, как он выразился, потратил целую жизнь. Лёгкая интрига возбуждала аппетит.

Коллеги из других ресторанов чаще всего выступали сценаристами и режиссёрами своих творений, составляя сложные, замысловатые рецепты и распределяя роли по реализации задуманного между многочисленными мастер-ауксилиатами.

Шеф-мастер «Люцита» был неподражаем во всём. Превосходный рецепт-инвентар, создающий шедевры, высоко ценимые лучшими дегустаторами, скупулёзный парсоалмониярий, хорошо знающий своих подмастерьев и поручающий каждому только ту часть подготовки ингредиентов, с которой помощник безусловно справится, и, наконец, эксперт-скрибендариум, собственноручно соединяющий все части в неразрывное целое. Но, в отличие от коллег своего ранга, в ключевых моментах сотворения нового блюда, он предпочитал всё же собственноручно выполнять сложные манипуляции, добавляя к творимому тончайшие оттенки и цепочки раскрывающихся вкусов и ароматов. След его мастерства ненавязчиво, но ощутимо присутствовал в главных акцентах каждого из созданных шедевров.

Каждый раз после изумительной трапезы, Иллари Таграт непременно заглядывал в кабинет друга, чтобы лично выразить восхищение и признательность за доставленное удовольствие. Но вначале – знакомство с обещанным творением.

Светильники в приват-кабинете, приготовленном сегодня для Наместника Четвёртого сектора излучали мягкий свет, волнами пробегающий по перламутровым гардинам, сотканным из тончайших нитей-кирари. Казалось, что свет, соскальзывая со складок почти невесомой ткани течёт от стены к стене, отражаясь многократным радужным эхом. Отражённые потоки встречаются в воздухе, порождая небольшие всполохи то тут, то там. На полу, по углам небольшого помещения, лежали туго набитые пухом кайры и волокном побегов идри-вьюнка подушечки, годами источающие умиротворяющий аромат. Стол в центре кабинета оказался кражистым и приземистым, без скатерти. Широкое кресло, почти вплотную придвинутое к столу, обтянутое кожей диких кхадр с пледом на одном из подлокотников, приглашало сесть, накинуть плед на плечи и затаиться в ожидании чуда.

Иллари Таграт ждал ровно столько, чтобы аппетит, в предчувствии задуманного и исполненного шеф-мастером, стал сильнейшим из ощущений Наместника, по крайней мере, сегодня. И когда ожидание, смешанное с любопытством, желанием увидеть, попробовать, обладать добралось до пика предвкушения, дверь в кабинет распахнулась и в проход величественно вошли церемониал-мейстер и четыре носильщика с массивным подносом, на котором возвышался огромный, отполированный до рези в глазах чан.

Осторожно поставив ношу на столик, мускулистая четвёрка удалилась. Церемониал-мейстер поклонился Наместнику, поднял перед собой жезл и произнёс: «Фатум анте окулос», развернулся и вышел, плотно закрыв дверь за собой. Всполохи света, заполнявшие пространство

кабинета, слетелись, стайкой любопытных насекомых, зависли над чаном и завибрировали, словно рябь пробежала по водной глади.

Иллари Таграт склонился над огромной посудиною. Чуть ниже краёв клубилась полупрозрачная субстанция, поднимаясь и оседая, словно это нечто оказалось способно дышать. Наместник взгляделся в принесённое блюдо, и оно отреагировало на пристальный взгляд. В хаосе движения наметился порядок. Медленно закручиваясь, содержимое чана заплеталось узорами, существовавшими всего лишь мгновения, перетекая из одних замысловатых картинок в другие. Картинки порождали мимолётные ароматы, ещё больше дразнившие тонкое чутьё Таграта. Одно ощущение, едва сформировавшись, ускользало, оставляя еле заметный, тающий след. Следующее за ним подхватывало едва заметные остатки, сплетаясь в непрерывную вязь, чтобы так же ускользнуть, уступая место возникающему следом за ним. Увлекаемый такой прелюдией, Иллари склонился над чаном, почти касаясь глазами меняющейся поверхности. До Наместника донеслись едва слышимые звуки. Тихая мелодия поднималась из глубин, возбуждая желание погрузиться в неё целиком. Один инструмент уверенно задавал тему, позволяя другим спорить, вмешиваться, перебивать, отступать, возвращаться. Картинки менялись в такт звучащей музыке.

Опытный дегустатор и тонкий ценитель таланта шеф-мастера, Иллари Таграт знал, что чем дольше он сопротивляется манящему, тем сильнее потом окажутся ощущения, когда он, наконец, погрузится в созданное целиком.

Звуки, цвет, формы, вязь сплетённых узоров сливались в единый вихрь, затягивающий, влекущий, направляющий в самый центр, где гостя ожидали тайны, готовые стать явью. Пора, понял Наместник и погрузил голову как можно глубже. Звучащая мелодия испуганной тенью метнулась прочь, краски, вспыхнув напоследок изумрудными прожилками, погасли. Вокруг была только молчаливая тьма без границ. Все ощущения пропали, желания померкли и рассыпались. Пустота и неопределённость, апатия и безразличие, мгновения, длящиеся вечность, бесконечность, сжатая в точку.

Иллари Таграт не знал, сколько времени провёл вне всего, но из небытия выплыл смазанный образ, постепенно обретающий узнаваемые черты.

Маленькая девочка держится за руки родителей, обещавших подарить ей самую красивую куклу на свете, потому что сегодня она стала совсем большой: целых три года исполнилось. К магазину игрушек ведёт весёлая дорожка, выложенная цветными камешками. Так весело перепрыгивать с камешка на камешек, как по капелькам радуги. В магазине полки с игрушками, уходящие в небо. Но машинки, вертолётники, кораблики не так привлекательны, как большие куклы в разнообразных платьях. Глаза разбегаются, хочется поиграть со всеми куклами сразу, но нужно выбрать только одну. Девочка переводит взгляд с одной красивой коробки на другую. Через прозрачные плёночки куклы смотрят прямо перед собой, безразличные к тому, купят их сегодня или нет. Продавец, похожий на доброго волшебника достаёт из большого ящика коробки с другими куклами и ставит на полки рядом с теми, что уже там, и ждут своих хозяек. Девочка тянет руки к одной из кукол, но потом прячет за спину и отступает назад. Смотрит на другую, но и эта не самая лучшая в мире. Мама наклоняется к девочке, тихо спрашивает, какая из игрушек ей нравится больше. Все нравятся, но не сильно-сильно, так, чтобы сразу захотелось именно эту, навсегда-навсегда. И тут продавец снова наклоняется над своим ящиком и достаёт большую-пребольшую коробку, из которой на девочку смотрит кукла в самом красивом платье, расшитом маленькими бусинками. Вот же она, та самая!

– Не тебя ли ждала эта кукла, юная леди, – спрашивает добрый волшебник-продавец, – хочешь с ней подружиться?

В улыбке продавца невозможно не узнать присутствие шеф-мастера. Маленький штрих, нюанс, тончайшая нить, вплетённая в события лично.

Девочка в восторге. Её даже называли юной леди, а не малышкой или деточкой, как обычно. Родители озарены тем бесхитростным, мимолётным счастьем, глядя на дочь. Мир вокруг вспыхивает радужными переливами и жемчужными отблесками, воздух трепещет от рождающихся звуков, сливающихся в мелодию, создающую ощущение сказки. Иллари Таграт старался не упустить ни единого фрагмента всплеска радости, счастья, доброты и благодарности. Музыка вливалась приправой в каждый кусочек первого слоя великолепного блюда, приготовленного для него, Наместника Четвёртого сектора.

Впитав все крохи вырвавшихся наружу эмоций, дождавшись, пока стихнут последние звуки, Таграт выдержал паузу и погрузился глубже.

Эта же девочка, уже девушка, сидит перед клавиатурой концертного рояля. В зале только она и учитель. Старый профессор, опирающийся на крышку инструмента правой рукой. Левая не слушается после перенесённого удара. Но и одной руки хватает, чтобы раскрыть секреты мастерства. Ноты мелким плотным бисером заполняют строки большого белого листа. Между ними вспомогательные знаки, через которые композитор пытался выразить своё состояние и донести эту информацию до исполнителя. Но этого мало, недостаточно просто прочесть все символы и передать звуками скупно описанные чувства. Настоящий виртуоз обязан заполнить произведение собой. Между музыкантом и музыкой не должно остаться ни малейшего промежутка, ни струн, натянутых на мощную раму, ни клавиш, ни собственных пальцев. Только он и музыка. Только она и музыкант. Все посредники не имеют значения. Это пытается донести учитель до ученицы. И для этого вполне достаточно одной руки. Или взгляда глаза в глаза. Взгляда, через который на девушку смотрит шеф-мастер, подсказывая, побуждая.

Репетиция за репетицией, повторение за повторением. До полного изнеможения, до обморока от напряжения и усталости, пока в стенах небольшого зала не зазвучит музыка, способная проникать до глубин души, пока старый учитель не скажет: «Благодарю, маэстро, я не зря прожил свою жизнь».

Удивительный коктейль из усталости и удовлетворения, приправленный всё ещё гуляющим по коридорам консерватории отзвуками блестяще исполненного концерта для одного слушателя. Умиротворённая радость старика, которого смерть уже держит за безвольную руку. Цветные искорки проносятся вслед за ускользящими вибрациями, вспыхивая оттенками оранжевого и лилового. Ароматы сирени, лаванды и орхидеи смешиваются и заполняют собой пространство вместо затухающих звуков, последними слетевших со струн рояля. Плотный поток эмоций, воссозданный шеф-мастером на втором слое блюда выше всяких похвал. Иллари Таграту хочется ещё, и он погружается на следующий.

Блестящий концерт, посвящённый памяти учителя закончен. Лучшие произведения сыграны на бис неоднократно. Занавес опущен, воодушевлённая публика нехотя расходится по ночным улицам. Девушка возвращается домой. Дом всего через пару улиц от концертного зала. Комната родителей на втором этаже, а ей отдали всю мансарду, где есть спальня, отдельная душевая, маленькая библиотека и репетиционная со старым, но чудесным инструментом.

Последний поворот, за которым она увидит свет в окнах гостиной, где родители ждут возвращения дочери после очередного маленького триумфа.

Перед тем, как потерять сознание, девушка успевает ощутить чьё-то приближение. Крепкая рука хватается её и притягивает к чужому туловищу, вторая плотно прижимает к лицу влажную тряпку. Закричать нет возможности.

Очнулась похищенная в комнате с маленьким, заколоченным снаружи окошком под самым потолком. Её одежда куда-то пропала. На ней вообще не оказалось никакой одежды. Голова гудела, словно она просидела весь концерт внутри литавры. Сквозь туман ощущений прорезался страх, постепенно превращавшийся в ужас.

На внутренней стороне небольшой двери не оказалось ни ручки, ни замочной скважины. К страху и ужасу добавились паника и отчаяние. Иллари Таграт насторожился в предвкуше-

нии особых оттенков. Но похититель оказался однообразен и скучен. Он приходил в подвал почти каждый день, приносил еду, насиловал девушку, садился на край тахты и, не обращая внимание на мольбы, слёзы и обещания никому не рассказывать о происходящем, если её отпустят, какое-то время рассказывал о бабочках. День за днём, неделя за неделей. Отвратительное однообразие, безысходность, рассыпающиеся в прах надежды, примитивная мерзость происходящего. Но однажды, что-то неуловимо изменилось. Наместник не мог не заметить, как в выражении лица насильника проступают черты шеф-мастера. Сегодня похотливый верзила оказался изобретателен и весьма оригинален. Тупой страх, понимание бесполезности сопротивления, безразличие к происходящему и желание просто умереть сменились на недоумение, страх, иной чем прежде, боль, ненависть, осознание собственной беспомощности. Накатила новая волна уже притупившегося стыда от собственной наготы перед чужим человеком. Эмоции перехлёстывали через край терпения, сознание готово было отключиться, чтобы не видеть, не чувствовать, не думать... Сгустки чёрного взрывались трёхмерными кляксами, отливающие холодным блеском капли разлетались в стороны. Сердцевина взрыва раскалялась, пульсируя багровым. Какофонию звуков резал скрежет рвущегося металла, воздух вокруг осыпался осколками вдребезги разбитого стекла. Все чувства Иллари Таграта пели, рыдали, кричали от муки и блаженства с каждым новым актом творимого насилия. Ощущения времени и пространства пропали. Сознание дегустатора словно маленькое утлое судёнышко кидали штормовые волны.

Когда буря выдохлась и ощущения перестали рвать душу на части, Наместник глубоко вдохнул, чтобы погрузиться ещё глубже, но что-то удерживало его на только что исчерпанном слое. Или нет? Неужели шеф-мастер заложил тут ещё какие-то оттенки и ароматы?

Ожидание оказалось не слишком долгим. Вопреки обыкновению, насильник не ушёл после разглагольствования о летающих насекомых. Только теперь девушка заметила, что её похититель был пьян. Рассуждая об особенностях бабочки Урании, он говорил всё менее и менее внятно, пока не повалился на бок. Тело ещё не освободилось от влияния извне. Режиссёр не отпустил избранную марионетку, давая возможность сцене длиться дальше, до иной развязки.

Луч надежды блеснул из нереального далёка. Ненависть лавиной обрушилась, вытесняя остальные чувства. Стараясь не шуметь, девушка выскользнула из своей тюрьмы, поднялась по ступенькам наверх. Чистенькая опрятная гостиная, шторы плотно задёрнуты, поленья в камине почти прогорели, на скобе, приделанной к стене, висят чугунные инструменты.

Звуки гобоя спорили с барабанной дробью, завывание ветра в трубе, переходящее в демонический хохот, сливалось в давящий гул, багровая муть застилала взор, но всполохи огня рвали липкий мрак, сквозь который было едва видно, как взлетает с каждым замахом и опускается кочерга, крошащая окровавленный череп. Капельки крови разлетались, превращаясь в цветной бисер, разбегались прочь. Тело ненавистного насильника ещё вздрагивало от посмертных конвульсий, когда бывшая жертва, внезапно ставшая палачом, ураганом понеслась по его дому, круша на своём пути всё, что способна была сокрушить, не замечая, как осколки битого стекла режут узкие стопы. Застеклённые дверцы буфета, витрины с распятыми бабочками, окна, вазы с сухими букетами.

Флейта-пикколо в бешеном темпе ткала кружево мелодии из почти запредельно высоких для слуха звуков, обгоняя метроном. Чёрно-красный калейдоскоп едва успевал перещёлкивать картинку внутри себя.

Кажется, девушка кричала от злости, отчаяния, ещё не веря в обрётённую свободу, не понимая, что длившийся бесконечно долго кошмар позади. Резкий аккорд валторн заполнил всё вокруг ровным бирюзовым свечением, и наступила спасительная тишина.

Всё ещё ощущая послевкусие сопереживания, Иллари Таграт понял, что погружается на следующий слой.

Вокруг люди в больничной униформе. Одни врачуют растерзанное тело, другие пытаются собрать осколки души. У кровати сидит заплаканная женщина, мать девушки. Отец тихо переговаривается с человеком в костюме у самой двери палаты. Бабочка бьётся в закрытое стекло. Девушка отворачивается, после пережитого бабочки вызывают только страх и отвращение. Едва уловимый голубой поток смешивается с бледно-зелёным. Скрипка тихо плачет за рекой, ей вторят серебряные колокольчики, раскачиваемые свежим ветерком. Апатия и безразличие к собственной судьбе мутными, блёклыми красками рисовали мимолётные картины. Не хочется есть, пить, двигаться, дышать, жить... Однообразные дни тянутся один за другим, похожие друг на друга. Механические прогулки по больничному парку не вызывают никаких эмоций. Пустота, ничем не заполненная и никому не интересная.

Родителям всё чаще предлагали перевести её в какой-то интернат, мама снова плакала, отец спорил, не соглашался, просил подождать ещё немного. Сошлись на трёх днях отсрочки.

Два дня, по-прежнему однообразно долгих, тянулись из ниоткуда в никуда. На третий в палату зашёл совершенно седой доктор в старомодном пенсне.

– Уважьте старика, – произнёс он, лукаво поглядывая на лежащую под тонким одеялом девушку, – составьте компанию в прогулке по парку. Знаете ли, теперь сирень расцвела великолепным пышным цветом, а аромат просто бесподобен.

Девушке было всё равно: лежать, сидеть, идти куда-то со стариком в белом халате. Всё чаще она поглядывала на свои нетронутые лезвием запястья. И всё больше хотела покончить раз и навсегда с давящим грузом, оставшимся после похищения.

По аллею шли не спеша. Мимо кустов с белой и обычной сиренью, в ветвях которой суетились и чирикали воробьи. Старик рассказывал о своей юности, о том, что долго не мог решиться, какой путь выбрать: стать врачом или художником. Кстати, в больничных коридорах до сих пор висят несколько его акварелей, написанных много лет назад в этом парке. Выбор одного пути – не означает отказ от другого, не менее верного и интересного. Потом доктор стал рассказывать о том, как впервые увидел на сцене концертного зала свою теперешнюю пациентку. Её музыка воодушевляла и помогала отвлечься от старческих недугов, каждый раз находить в себе силы продолжать жить и работать.

От аллеи отходила боковая тропинка, и доктор уверенно на неё свернул. В нескольких десятках шагов, за плотной посадкой жимолости находилась стена, изогнутая полукругом. В центре, на уровне плеча – узкая дверь, и деревянная лесенка к ней. Пропустив девушку вперёд, старик поднялся следом. За дверью оказалась небольшая летняя эстрада, в центре которой стоял белый рояль. Указав жестом на сиденье за роялем, доктор отошёл в сторону и оперся на инструмент правой рукой.

Девушка села, подняла крышку клавиатуры и осторожно коснулась пальцами пожелтевших клавиш. Снова звенели колокольчики, но теперь они пели про красоту жизни. Птицы носились в поднебесье, перемешивая акварель облаков. Молоточки опускались на струны увереннее, заставляя их вибрировать в такт набирающей силу мелодии. Звуки одного инструмента не затухали, множились, превращаясь в оркестр. Музыка заполнила парк, люди, забыв о своих делах подходили к эстраде и тихо рассаживались на скамейки. Вскоре мест перестало хватать, а пациенты, врачи, сиделки, посетители всё стекались и стекались в центр мира, которым стала площадка перед старой сценой. Время замерло, не пытаясь замедлить или ускорить рождение чуда, только послушно кивало, отбивая секундами ритм.

Девушка играла, поглощённая прежними ощущениями. Апатия осыпалась прахом бывшего. Новая надежда восставала из пепла. Жажда творить и наполнять собой звуки, как это было прежде, подняла голову и широко открыла глаза, глядя в новую жизнь.

Шеф-мастер смотрел на девушку глазами старого мудрого психиатра, всё ещё опираясь правой рукой на краешек рояля, словно левая больше на подчинялась ему.

– Ради такого стоит жить, – произнёс он и улыбнулся, – теперь я могу быть за Вас спокоен, маэстро.

Пресные и почти безвкусные крупы, теряющиеся в вязкой массе, вдруг, раскрылись ёмкими и утончёнными гранями перехода от унылых, заторможенных эмоций до активной жажды возрождения и преодоления. Потoki чувств и ощущений неслись к Наместнику с неистовством дикой стаи. Он едва успевал поглощать всё, боясь упустить хоть каплю, хоть оттенок, хоть отголосок великолепно сплетённых мастером нитей. Такие разные, такие непохожие: лёд и пламя, уныние и восторг, выжженная пустыня и тропические джунгли, чернота космоса и ослепляющая яркость солнечной короны. Восприятие Иллари Таграта металось из края в край почти на пределе своих возможностей, охватывая бесконечное пространство, сжатое в точку, и одновременно уместаясь в ней, ничтожно малой точке, целиком.

Музыка затухала, эхом едва слышались сухие постукивания костяных клавиш, шелест долгих аплодисментов, шипящий присвист многократного «бис». Сумерки сгущались, наполняя слух стрекотанием цикад, погружая дегустатора на следующий слой.

Тревожное сообщение она получила в студии, где с коллегами записывала фортепианный концерт. Её дочь, увлечённая однажды альпинизмом, попала под камнепад. Несколько переломов, множественные ушибы, травма черепа.

Минуту она не могла ничего сказать, руки не слушались, ноги стали ватными, подбородок дрожал, слёзы катились из глаз. Кто-то подал стакан воды, помог спуститься по лестнице. Муж заехал за ней на машине. Резкий аккорд внезапно навалившейся тревоги и страха не за себя взбудоражил Таграта, готовя к новым неожиданностям, задуманным шеф-мастером. По дороге домой девушка, вернее, давно уже зрелая женщина, потихоньку приходила в себя. Лихорадочно бившиеся в истерике мысли обретали подобие упорядоченности. Всё, что сейчас требовалось – быстро собрать необходимый минимум вещей, пока супруг звонит в аэропорт, бронируя билеты на ближайший рейс.

Хаос звуков выстраивался в чёткий ритмический рисунок. Буковые палочки опускались на туго натянутую кожу небольшого барабана, отскакивали от её поверхности, снова опускались и отскакивали. Темп нарастал, периодически переходя в дробь и возвращаясь к прежнему повторяющемуся рисунку. Вступил кларнет, приближаясь издали, ведя за собой виолончели и арфы. Ультрамариновые и бордовые пятна перечёркивались широкими мазками блестящего хрома. Барабанная дробь рябью разбегалась по зеркальной поверхности, мир вокруг дрожал, отражая неопределённость будущего. Широкая дорога, ведущая из прошлого, превратилась в едва различимую тропинку настоящего. Оркестр исполнял увертюру, перед тем, как мощное соло самолётных двигателей не перекрыло своим гулом остальные звуки.

В палату к дочери пустили только после грандиозного скандала. Правила, правила, правила... Плевать она хотела на правила, попадись сейчас в руки кочерга, тело вспомнило бы неистовое безумие, крушащее вдребезги всё, что стоит на пути единственного желания. Сейчас она хотела, чтобы с её девочкой было всё в порядке, хотела находиться рядом, подпитывая материнской любовью, надеждой, оставляя боль, отчаяние, призраки обречённости только себе. Лишь бы она вернулась из зияющего провала, где нет чувств, нет ощущений, нет воспоминаний, нет времени.

Местные эскулапы делали всё возможное, но молодой организм слабо отвечал на усилия специалистов, всё глубже проваливаясь в ничто бессознательного существования. Вскоре потребовались аппараты для поддержания жизни. Багрово-серая завеса обволакивала, сжимая пространство вокруг. Теснота сдавливала, почти не позволяя дышать.

Женщина звонила всем, кто хоть чем-то мог помочь, отчаянные крики о помощи уходили в радиоэфир. Сочувствие, искреннее и ложное, дружеское и показное, окутывало душевные импульсы, пытающиеся пробить купол безысходности. Иллари буквально распластался всеми фибрами по необъятной поверхности, чтобы не упустить ни единого из прорывов, решетающих

пошедшую сеточкой трещин завесу. Мир снова взорвался, расплёскивая надежду, когда женщина услышала в ответ голос рекомендованного ей главного врача отделения нейрохирургии, обещавшего помочь.

Клиника, куда перевезли пострадавшую, оказалась оснащена по последнему слову техники. Кремовые и светло-бежевые оттенки интерьера палаты интенсивной терапии, аппаратура в корпусах цвета топлёного молока. Внимательный и предупредительный персонал, в компетентности которого сомневаться не приходилось. Лечение проводили опытнейшие специалисты.

Женщина почти постоянно находилась при дочери, всё время спрашивая себя, что ещё сделать, чем пожертвовать, чтобы её девочка осталась жива и поправилась. Ответов не находилось. Длительные, почти безрезультативные процедуры превращали ожидание хоть чего-нибудь в пытку. Но неумолимые весы обстоятельств сохраняли равновесие, не пытаясь склониться в одну из сторон.

Её пригласили в кабинет заведующего отделением. Подозревая, что речь пойдёт о бессмысленности дальнейшего лечения и согласии на отключение аппаратов, поддерживающих жизнь дочери, женщина готовилась к сражению до последнего.

В кабинете сидели двое. Заведующий, лет пятидесяти, и его молодой коллега. Женщина присела на стул и, прежде чем обратиться к старшему, изучающе посмотрела на молодого доктора. Ей долго и обстоятельно объясняли тяжесть состояния её дочери, тщетность усилий, предпринимаемых специалистами и неотвратимость финала. Но, всё же сказали, что есть ничтожно малый шанс исправить положение. Весьма сложная и чрезвычайно опасная операция. Шансы на успех минимальны, но молодой коллега, по счастью, специализируется именно на таких случаях и принял приглашение клиники приехать из другого города, чтобы попытаться помочь пострадавшей.

Вся приготовленная оборона рассыпалась, как картонный домик от слабого дуновения. Полоски цветной фольги кружились в воздухе, отражая случайные лучики зеркального шара. Надежда ликом печального мима смотрела из-за воображаемой, но непреодолимой стены за порхающими бликами. Единственный прожектор высвечивал лицо врача, долго и обстоятельно объяснявшего женщине всю сложность предстоящей операции. Серебряные колокольчики с язычками из блестящего хрома раскачивались, заставляя вибрировать ультрамариновые и багряные нити, на которых были подвешены. Нити дрожали, как рояльные струны, рождая вокруг себя тёплое свечение.

В конце беседы молодой доктор сказал, что никаких гарантий он дать не в праве, но сделает всё возможное, чтобы вернуть дочь матери. Он внимательно посмотрел в глаза женщине. Черты его лица на мгновение поплыли, превращаясь в лицо шеф-мастера.

Двенадцать часов просидела женщина в коридоре у операционной, ожидая приговора судьбы. Иллари Таграт блаженствовал в мощном потоке надежды, мольбы о благополучном исходе, упования на мастерство молодого специалиста. Женщине предлагали отдохнуть, перекусить, приносили кофе, но она от всего отказывалась, непрерывно подпитывая собой восходящий луч душевных усилий. Музыка смолкла, лишь метроном отсчитывал такты, ни разу не сбившись за всё время ожидания.

Наконец дверь распахнулась, уставший врач, чьё лицо ещё сохраняло черты шеф-мастера, вышел в коридор, присел рядом и произнёс только три слова.

«Теперь она поправится», многократно повторяясь, звучало в голове иссякшей, но счастливой матери. Теперь она поправится. Теперь она поправится. Пластинка со сбитой дорожкой крутилась, досылая последние импульсы вслед затухающему потоку. Усталость от ожидания, счастье обретения, благодарность сотворившему чудо, слёзы радости.

– Нам всем сейчас следует отдохнуть, – доктор помог женщине подняться со стула, – и мне, и Вам, и Вашей дочери. Завтра, ближе к середине дня, сможете её увидеть. Не ждите быстрых перемен, но теперь я могу обещать благополучный исход.

Месяц спустя женщина каждый день приходила в клинику, гладила дочь по ёжику отрастающих волос, брала за руку и вела гулять в парк, мимо буйно цветущей сирени, мимо ветхой летней эстрады. Старый белый рояль с пожелтевшими клавишами давно убрали. В нём больше не было необходимости. Музыка королевским шлейфом тянулась за идущими, набирая силу, вселяя уверенность в завтрашнем дне. Симфонический оркестр играл красочную увертюру, подсказывая, что будущее не захлопнуло двери, многие пути только начинаются.

За одной из дверей Наместника терпеливо ожидал ещё слой, лежащий в самой глубине огромного чана.

Уютный домик на берегу моря. Лёгкий бриз играет подолом сидящей в шезлонге пожилой женщины. Трое внуков беззаботно бегают по белому песку длинного пляжа. Муж что-то мастерит в гараже. К дому мягко подкатывает белоснежный кабриолет. За рулём молодая женщина с пышной шевелюрой волос глубокого медного оттенка. Дочь приехала на выходные. Девтора, увидев знакомую машину, наперегонки мчится к матери. Из багажника извлекаются коробки с подарками. Дети, получив своё, убегают на веранду. Медноволосая женщина направляется к своей матери. В руках небольшая плоская коробочка: лазерный диск с золотым переизданием лучших фортепианных концертов, записанных в тот период, когда она восстанавливалась после рокового камнепада. А её ещё не старая мать приходила в клинику сразу после работы в звукозаписывающей студии.

Скалы остались в прошлом. Акварели, висащие в коридорах клиники, побудили заняться живописью. Говорили, что их когда-то написал врач, работавший в одном из отделений.

Женщина присела рядом с шезлонгом, поцеловала мать в щёку и протянула диск с собственным оформлением обложки.

Воспоминания длинными вереницами потянулись со всех сторон. Пережитое белёсыми рубцами старых ран сплелось в затейливый рисунок. Жизнь не раз рвалась, пытаясь вытолкнуть через разошедшиеся края возможное будущее, пресечь надежды, остановить движение. Но находились силы для преодоления, части вновь срастались в целое, пути не заканчивались пропастью. Из-за туч всегда показывались солнечные лучи. Любой путь, каким бы долгим он не был, однажды завершится. Старая женщина чувствовала приближение дня, когда её мелодия растратит все ноты, но в душе были умиротворение и покой.

Жемчужины катились по хрустальной лестнице, прыгая со ступеньки на ступеньку. Двенадцать ступенек-клавиш – октава, ещё двенадцать – следующая, и так дальше, и дальше, проигрывая хроматическую гамму, не пропуская ни белых ни чёрных полосок, разлиновавших долгую жизнь.

Любопытные стрекозы носились над песком, замирая и снова срываясь в стремительный полёт. Прозрачные крылышки оставляли в воздухе цветные следы. За радужными росчерками гонялся неутомимый ветерок, собирая их пучками и бросая в набегающие волны. Солнце опустилось над водой. Скоро закат.

Иллари Таграт удовлетворённо откинулся на спинку кресла. Все слои исчерпаны, всё многообразие эмоций поглощено без остатка. Струтки света, висевшие над чаном, разлетелись по углам и, впитавшись в ароматные подушечки, погасли. Пора навестить друга и выразить ему своё восхищение.

В просторном кабинете на стенах висели картины и фотографии, в застеклённых шкафах хранилось множество разнообразных предметов. Каждый раз, готовя новое блюдо, шеф-мастер оставлял себе на память какую-нибудь безделицу, сувенир, принесённый из того мира и времени, где он воплощал свой замысел. Многие вещицы были хорошо знакомы Наместнику. Именно ему чаще других доводилось быть первым дегустатором нового шедевра. Вот, в золо-

чёрной раме картина кисти Эжена Делакруа. Художник поймал тот уникальный момент, когда черты лица гениального скрипача пошли рябью. Через грубую трепещущую плоть проступали черты шеф-мастера, истинного маэстро, виртуозно управлявшего куклой, доводившей зрителей до неистовства, до обмороков, до самоубийств. Таграт хорошо помнил это блюдо, составленное из страсти, вождения, жажды музыкального чуда и запредельных впечатлений.

Вот грубая маска из чёрного дерева с чёрного континента. Её пустые глазницы видели множество жертвоприношений, особенно, когда заполнялись тьмой, скрывающей глаза истинного творца событий. Потоки боли, отчаяния, страданий смешивались с желанием угодить духу-покровителю, покорностью и готовностью служить.

Вот обрывок хламида аскета, которого соотечественники считали чудотворцем. К жилищу отшельника тянулась почти непрерывная вереница просителей, приносящих дары. Иллари хорошо помнил этот рецепт, составленный из гнева отшельника, отвергающего избыточные подношения, смирения аскета, молящегося за пришедших, голосов, вопиющих о чуде. Страждущие время от времени получали по вере своей, когда за праведником незримой тенью поднимался мастер, творящий желаемое и вплетающий в свой замысел ярчайшие из эмоций.

А вот, на стене слегка пожелтевшее фото. Суровый офицер в великолепной чёрной униформе с черепом на фуражке стоит на фоне обнажённых измождённых тел, сваленных мёртвыми грудями. Их скорбь, понимание неотвратимости злой судьбы, безысходность и страх волнами восходили над газовыми камерами. Шеф-мастер, как истинный дирижёр очень тонко управлял оркестром исполнителей, так, чтобы следующая волна эмоций начинала восхождение сразу за почти иссякшей предыдущей. Наместник, как сейчас, помнил ощущения взлётов, падений и новых взлётов на потоках ненависти и отчаяния, извергаемых новыми и новыми партиями обречённых.

Вот большая смешная кепка в чёрно-белую клеточку, вот ещё один головной убор – красный колпак с белой меховой опушкой и таким же помпоном. Фото сотрудников Манхэттенского проекта, среди которых невозможно было не узнать выдумщика, затейника и дорогого друга.

Много приятных воспоминаний о мастерски задуманных и виртуозно исполненных блюдах навевала коллекция сувениров, собранная шеф-мастером лучшего ресторана в независимой зоне.

Наместник Четвёртого сектора Диктаториума Иллари Таграт не спеша следовал в свои апартаменты, пообещав вскоре снова заглянуть по первому же приглашению. Ценитель лучшего возвращался к рутине служебных обязанностей.

август 2018.

Не здесь

– Премного уважаемый Диц Алу Гир Медай, верховный конкуратор Сантиентариума, – Кабу Даг Мар Теон использовал прямую последовательность имён начальника, как и подобает в подобных случаях, сделал паузу для ритуального снижения и приступил к чтению доклада, – прошу позволить мне, как руководителю исследовательской группы, изложить причины и суть запроса на дополнительное оборудование.

Диц Гир Алу Медай поменял местами второе и третье имя, что означало его готовность выслушать просителя до конца.

Теон Кабу Даг Мар вернулся в прежнее состояние, демонстрируя готовность быть кратким и последовательным, не злоупотребляя временем и пространством, выделенными для аудиенции.

– Как известно Его Превозвышенности, Диц Медай Алу Гир, – порядком перечисления имён проситель подчеркнул безусловную осведомлённость высшего руководства о всех предыдущих открытиях, касающихся обсуждаемой темы, – за последние сорок два цикла Партикулярий Сантиентариума отправил триста четырнадцать экспедиций для исследования параллельных субпространств. Многие из них оказались населены аутентичными формами существования, чаще всего не представляющими никакого, даже научного, интереса. Но из последней исследуемой зоны смогли вернуться не все члены моей группы.

Алу Диц Медай Гир был крайне удивлён и встревожен, услышав немыслимое, что повлекло спонтанную перестановку имён в последовательности тревоги и удивления одновременно.

– Кир-Кебах благополучно доставил всех нас в пункт назначения. Но этот эмоционально-транспортный поток впервые оказался односторонним. По прибытии мы не обнаружили признаков ни одного из составляющих его каналов. Более того, тот мир оказался почти пуст, словно его создание не было завершено.

Гир Диц Медай Алу освободил часть занимаемого пространства, демонстрируя искренний интерес к получаемой информации и надеясь на подробности.

– То, с чем мы столкнулись, поначалу ошеломило нас, – Даг Теон Кабу Мар пульсировал боковыми коллапсатами в знак благодарности за щедрость начальства, – развёрнутые поиски оказались тщетны. Никаких зацепок, никаких откликов, никаких резонансов. Мир оказался глух и молчалив. Я велел сворачиваться и использовать Кас-Авар для возвращения.

Теон Мар Кабу Даг с благодарностью воспользовался частью предоставленного пространства для изложения некоторых подробностей того, что произошло дальше.

– Как предписывают инструкции, все исследователи выстроились, образуя петлю Бен-Ашах и пребывали в метаупорядоченном состоянии не менее двенадцати пар тактов. Однако, не смотря на все усилия, каналы Тер-Базай и Чид-Улас оставались незамкнутыми. Эмоциональный резонанс для скачка в базовую реальность не возник. Мы поменяли степень упорядоченности, пытаясь выйти на аварийный режим мерцания, но и тут нас ждала неудача.

У Диц Алу Медай Гир не было оснований не доверять докладчику, но периферийная вибрация указывала на то, что принять как факт полученные сведения он сможет только после серьёзной аргументации не менее чем на трёхуровневом сопряжении.

Кабу Мар Теон Даг беспрекословно подключил две собственные внешние сферы к вибрациям начальства, подтверждая, что все необходимые доказательства в требуемом сопряжении у него имеются и будут переданы совету конкураторов по первому, второму и третьему требованиям незамедлительно, в зависимости от фаз архивации внешнего опыта.

Диц Медай Гир Алу снизил амплитуду, и вновь переставил собственные имена местами, отмечая удовлетворение тщательной подготовкой к докладу.

– Не хочу вас торопить, – произнёс Алу Гир Диц Медай, – но мне крайне любопытно, смогли ли вы определить причины неудачи аварийной процедуры возвращения? В крайнем случае, я хотел бы, услышать Ваши соображения на этот счёт.

– О, да, Ваша Превозвышенность! – Мар Даг Кабу Теон сгенерировал четыре вспышки во внутренней спирали, испытал малый триумф. Ожидаемый вопрос, заданный так вовремя, давал право перейти сразу к сути доклада. – Петля Бен-Ашах не сработала из-за возникшего дисбаланса сразу в нескольких каналах эмоциональных потоков. При более глубоком исследовании удалось выяснить, что помехой стали примитивные чувства существ, населяющих тот мир, которые мы не смогли выявить, используя стандартные процедуры.

– То есть, мир не оказался пуст, каким выглядел при первичной мергеридии научной группы, – уточнил Алу Гир Медай Диц, акцентируя внимание на личном интересе к результатам расширенного научного подхода, – прошу, продолжайте последовательность фактов, коллега.

– Обычные методы рассчитаны на обнаружение и распознавание эмоций, сходных с нашими по глубине, количеству оттенков и депендо-доминантных связей. То, с чем мы столкнулись, кардинально отличалось от всего зарегистрированного Сантиентариумом за всю историю исследований. Приведу пример: весьма частым и распространённым эмоциональным состоянием среди аборигенов оказалось явление, называемое ими «любовь». Наши сотрудники выявили вариабельность в одну тысячу шестьсот восемнадцать оттенков, но жители этого мира не осознают даже и такого минимального разнообразия, фиксируя не более сотни образов, которыми пытаются обозначить то немногое, чем располагают в этой форме чувствозиявления.

– Ужасно! – Медай Алу Диц Гир распространял флюиды сочувствия столь обделённым природой существам. – Всего тысяча шестьсот восемнадцать, в одном из эмоциональных аспектов?! В других аспектах, надеюсь, аборигены более чувствительны?

– Увы... всего пятьсот двенадцать оттенков в аспекте страха, сто восемь в аспекте радости и так далее, и так далее... – Даг Теон Мар Кабу на секундочку задумался, стоит ли обременять начальство самыми прискорбными открытиями, но успешно преодолел сомнения, – Минимальное число оттенков мы обнаружили в аспекте удовлетворённости результатами деятельности: всего два.

– Простите, коллега, – Гир Медай Диц Алу перебил начальника экспедиции, – вы уверены, что обнаруженных Вами существ можно назвать разумными?

– Более того, – Теон Даг Мар Кабу добровольно разделял чувства начальства, – у местных обитателей совершенно отсутствует представление о порядке использования и правилах перестановки имён в зависимости от переживаемого эмоционального состояния. В любом случае, их возможности в этом плане оказались сильно ограничены. Большинство довольствуется двумя, в крайнем случае тремя именами. О каком чувствовыражении тут можно говорить? А факт отказа от одного из собственных имён и заимствования у партнёра при успешной реализации чувства, о котором я уже упоминал, вообще явление парадоксальное. Но самое кошмарное, заключается в том, что большинство существ при взаимодействии пользуется только одним именем.

По эписенсорию Гир Диц Алу Медай пробежала затухающая волна тремоляций. Его Превозвышенность и не пытался скрыть удивление, граничащее с отвращением.

– Теперь же, я хочу услышать о судьбе ваших подчинённых оставшихся в такой весьма необычной реальности, – Гир Алу Медай Диц вернул себе часть временно предоставленного пространства, – указывая на необходимость следовать регламенту аудиенции.

– Единственным способом вернуться домой хотя бы одному из группы оказался Шиш-Арман. В той экстренной ситуации было решено, в соответствии с кодексом Аф-Ома, синхронизировать вибрации метасенсориумов всех членов экспедиции, создавая тем самым эмоцио-

нальный канал индивидуального перемещения Таст-Эви. Я отправился в обратный путь, чтобы доложить Высшему Совету Сантиентариума о произошедшем и попросить предоставить генератор Уз-Алам и систему Зиг-Дан, с которыми обязан вернуться к товарищам.

– Высшему Совету Конкураторов совершенно ясно, что генератор эмоционально-транспортного потока Вам действительно необходим. Возвращение наших уважаемых исследователей должно быть организовано в ближайшее время. – Медай Гир Алу Диц снизил прозрачность внешней сферы, лишней раз напоминая, что именно он примет окончательное решение. – Но, будьте любезны, поясните, зачем понадобилась система универсального перевода и коммуникации?

– В исследуемом мире, кроме уже упомянутых примитивных существ, нашлось несколько иных, отличающихся от прочих. Их эмпатические особенности оказались пригодными к установлению контакта.

– Эти особые существа почувствовали ваше присутствие в их субпространстве?

– По крайней мере одно...

– К какому типу существ следует отнести потенциальных контактёров? – Алу Диц Гир Медай приостановил ведение протокола, ожидая предварительной оценки специалиста.

– Нам ещё не приходилось систематизировать подобное, но в их базовом мире оно называется «провидица». Оно... вернее она явно ощущала наше присутствие и всё время повторяла: «Да, где же вы прячетесь, покажитесь!»

– Вы ответили?

– Да, премного уважаемый верховный конкуратор, попытались, но ресурсов портативного толмач-коммуникатора хватило всего на один единственный мыслеобраз.

– И каков же был ответ на вопрос существа?

– Мы не здесь...

апрель 2019.

Порядок имён, требуемый для выражения эмоционального состояния.

Прямой порядок:

1 Диц 2 Алу 3 Гир 4 Медай

1 Кабу 2 Даг 3 Мар 4 Теон

Соответствия вариантов перестановки имён и эмоциональных состояний:

1243 – состояние противоречия между доверием к источнику информации и необходимостью аргументированного её подтверждения.

1324 – готовность выслушать просьбу до конца

1342 – готовность предоставить требуемую информацию

1423 – осведомлённость об открытиях, имеющих отношение к обсуждаемой теме

1432 – удовлетворение верными действиями подчинённого.

2134 – состояние административного выбора

2143 – состояние крайнего удивления и тревоги.

2314 – любопытство в сочетании с лёгким нетерпением и стремлением услышать интересующую часть рассказа допуская непоследовательное изложение.

2341 – акцент на личной заинтересованности в получении подробной информации.

2413 – состояние благодарности, приводящее к пульсации.

2431 – успешное преодоление сомнений в необходимости озвучивания нелицеприятных фактов.

3124 – удивление на грани отвращения.

3142 – искренний интерес

3214 – предвкушение малого триумфа

3241 – требование, высказанное в форме просьбы для демонстрации личного расположения, но напоминающее о реальной расстановке сил.

3412 – обоснованное прерывание процесса при возникновении подобающих причин.

4213 – сочувствие низшему существу

4231 – добровольное согласие в акте сочувствия

4123 – готовность к краткому и последовательному изложению сути вопроса, не злоупотребляя временем и пространством.

4312 – благодарность при использовании предоставленной возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.